
Р. ЛУЖНЫЙ

ИЗДАНИЯ НА ПОЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ В ЛИТЕРАТУРЕ ЭПОХИ ПЕТРА I

Благодаря исследованиям, проводившимся как в XIX, так и в нашем веке, а также в последнее время, после второй мировой войны, мы знаем сегодня сравнительно много о том, какую роль в процессе европеизации России, в деле цивилизаторских преобразований этого государства, в деле, поднятом и проведенном Петром I, сыграли представители украинской и белорусской культур, многочисленные эмигранты, приехавшие с запада и юга России: высшее духовенство, преподаватели школ, теоретики поэзии и риторики, поэты, драматурги и проповедники. Разнообразная деятельность и литературные достижения таких людей, как (если назвать только самые известные имена) в XVII в. Симеон Полоцкий, а далее — Феофан Прокопович, Лаврентий Горка, Дмитрий Туптало-Ростовский, Стефан Яворский, наложили

отпечаток на развитие умственной жизни этого времени и оставили заметный след в русской культуре.

Люди этого круга представляли определенный тип эстетического воспитания, характерной чертой которого была тесная связь со схоластическим складом ума, эрудицией, опирающейся на античные и новолатинские традиции, с художественными вкусами и представлениями, сформированными на основе искусства Ренессанса и особенно европейского барокко. Место их рождения и происхождение, семейные связи и воспитание, школьные занятия не только в Киевской коллегии, но и за границей, главным образом в Речи Посполитой, в Литве и в Короне, наконец, различные связи с латинской католической религиозностью, культурой и обычаями этого круга — все эти факторы способствовали тому, что эти люди вносили в умственную жизнь своей новой родины собственные вкусы и привычки, склонности и пристрастия, знания и стремления, и прежде всего знание иностранных языков, латинского и польского в первую очередь. Они способствовали также распространению и популяризации — при посредстве школ, проповеднической практики, собственных трудов и издательской деятельности, собираемых библиотек и корреспонденции — определенной литературной культуры, писательской практики, эрудиции и заинтересованностей, знания польского языка, а также польско-латинской и западноевропейской словесности.

Этот процесс встречался на русской почве с другой, ранее выявленной независимо от так называемых малорусских влияний тенденцией тяготения к западной культуре, которая охватила некоторые круги московского общества во время царствований Алексея Михайловича, Федора Алексеевича, регентства царевны Софьи, с общими проявлениями существенных изменений, имевших место в русской культуре на этапе ее перехода от старорусской к новой эпохе.

Факты и процессы, о которых здесь упоминается, ставшие более интенсивными в эпоху Петра I, в последнем десятилетии XVII—начале XVIII в., нашли свое отражение в литературе и в сфере издательско-типографской практики своего времени. Письменность петровского времени не слишком богата, она носит скорее односторонний характер, имеет преимущественно прикладное значение, а литературные тексты, в прямом смысле этого слова, представляют только незначительную часть печатной продукции.¹ Конечно, это не значит, что литературная жизнь была в то время убогой; просто большая часть появившихся в то время работ существовала в форме, характерной для прежней литературы, т. е. рукописной, и, кроме того, в обращении находилось значительное количество рукописных сочинений оригинальной и, прежде всего, переводной литературы XVII в., сочинений, в дальнейшем усердно читаемых, переписываемых целиком и по частям, перерабатываемых и адаптируемых. При этом интересно отметить, что прежде всего остается актуальным то, что было так характерно для литературы предшествующего периода; вообще нередки случаи, когда писатели и издатели пользуются польским языком в изданиях, предназначенных для поляков.² Это происходит главным образом на Украине, но единичные случаи встречаем и на территориях других земель. Печатные издания на польском языке составляют вообще довольно значительную часть тогдашней издательской продукции и определенным образом обогащают письменность, сравнительно бедную литературно-художественными жанрами, рядом интересных текстов.

Кроме этих немногочисленных изданий, которые носят характер исключительно официальных выступлений, появилось в эти годы некоторое коли-

¹ В. С. Сопиков. Опыт российской библиографии, т. II—V. СПб., 1904—1906; Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в. 1725—1800, т. I—V. М., 1963—1969.

² Например, в 1724 г. в Петербурге вышел указ Петра I, охраняющий интересы шляхты и польских мещан в Риге, в 1707 г. в Варшаве и Жулкеве появились универсалы Петра I также на польском языке.

чество интересных публикаций на польском языке литературного характера в узком смысле этого слова. Рядом с оригинальным творчеством самого выдающегося писателя того времени Феофана Прокоповича, а также анонимными поэтическими и прозаическими произведениями, рядом с многочисленными изданиями переведенных с иностранных языков текстов,³ они составляют общее достижение литературы времени Петра I и вносят в нее своеобразный тон. Явление это стоит рассмотреть на несколько более характерных примерах.

Среди 58 изданий на иностранных языках, выпущенных в этот период, основные литературные библиографии времени Петра I⁴ называют 9 польских заглавий. Некоторые из них в действительности могут только условно быть причислены к этой литературе, так, например, обстоит дело с изданным в Вильно в 1695 г. панегирическим сочинением «Alcides Rossiyski triumfalnym laurem ukoronowany [...] Jan Mazaera, hetman Wojsk Zaporoskich, Który [...] lunatyczną hydrę skruszywszy [...] od Filipa Orlika, extra limices Rossiacis [...] zasłyszany i publicznie światu rudi calamo acclamowany [...]». Но есть и такие, которые и по месту издания, и тематически непосредственно связаны с русскими литературными начинаниями рассматриваемой эпохи. Это издания как южнорусские, а следовательно, принадлежащие также и украинской литературе, так и московские. Например, в Москве в 1706 г. выходит «Tryumf polskiej muzy po otrzymanym nad Szwedami pod Kaliszem zwycięstwie». Даниэль Гурчин сгруппировал в 2-х частях польские панегирические стихотворения в честь Петра I и Меншикова, сопровождая каждую из них двойным названием: написанным буквами латинского алфавита, а также новым, так называемым гражданским.

Киевские авторы обращаются к польскому языку несравненно более часто. Рядом с отмеченным в названных библиографиях панегириком Яна Орновского «Bogaty w parantele, sławy i honory Wirydarz herbownemi wielmożnych ichmościów rapów Zacharzewskich poróżnie po swych Kwaterach zasadzony różami» (издание Печерской лавры, 1705) можно привести названия, не учтенные в этих библиографических списках, неизвестные иногда даже наиболее подробным библиографиям, как русским и украинским, так и польским, не говоря уже об авторах детальных исследований, посвященных специально литературе этого периода. Среди них находится и работа того же самого Филиппа Орлика, в то время — как значится на титульном листе — «консистерского писаря киевской митрополии», выпущенная в 1698 г. типографией Печерской лавры и носящая характерное название в стиле барокко: «Hipponemes sarmacki [...] porywczych cnót i wysokich praemienicy Rossyjskiemu światu antagonię zalecony [...] Jan z Obidowa Obidowski [...] po szczęśliwie odprawionych Marsowych Olympiach teraz z poszlubioną swą Atalantą [...] Anna Koczubejówną, wielkiej expectatiwy córą [...] Bazylego Koczubeja [...] wkraczającą [...]».

Есть другие сочинения и Яна Орновского: «Niebieski Merkuriusz»⁵ (Czernihów, 1686); «(Bogata) Drogich Kamieni speza na wysławienie złotowskiego pałacu [...] Jana z Obidowa Obidowskiego [...] stolnika, protunc w Collegium Kijowo-Mohileaneo A. A. L. L. et philosophiae auditora [...] przez Jana Ornowskiego opisana» (Czernihów, 1693); «Muza Roxolańska o trium-

³ См.: П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I—II. СПб., 1862; В. В. Сиповский. Очерки из истории русского романа, т. I, вып. 1 (XVIII век). СПб., 1909, стр. 33, примеч. 149 на стр. 47.

⁴ См.: Описание изданий гражданской печати. 1708—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступ. статья проф. П. Н. Беркова. М.—Л., 1955; Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689—январь 1725 г. Сост. Т. А. Быкова и М. М. Гуревич. Ред. и вступ. статья проф. П. Н. Беркова. М.—Л., 1958.

⁵ K. E. Streicher. Bibliografia polska, t. XXIII, s. 439—440.

falnej sławie i fortunie z herbownych znaków [...] Jana Mazepy [...] szczęśliwy omen biorąca» (Czerńhów, 1688).

Работы обоих украинских авторов Ф. Орлика и Я. Орновского как с точки зрения типографической, издательской, так и содержания, а также стилистической, представляют собой типичные образцы литературы барокко. Их творцы, воспитанные в кругу Могилянской коллегии, широко используют правила школьной поэтики и риторики, прививаемые в коллегии в течение ряда десятилетий преподавателями—теоретиками и практиками, вместе с запасом средств, типичных для польской и украинской поэзии XVII в. Находим здесь и характерные развернутые заглавия, и скудость проблематики и содержания, которую должна уравновешивать претенциозно развиваемая панегирическая тема, пристрастие к странным образно-поэтическим средствам, находящее свое выражение в сильно макаронизованном, полном варваризмов и античной лексики языке. Здесь нет недостатка и в характерных для сочинений этого типа особенностях, как например «визуальность» стиля: тесная связь текста, избыливающего образными, пластическими элементами, с графической стороной, со знаком или иллюстрацией,—это все указывает на близость этой поэзии к эмблематике барокко с ее увлечением к описательному стихотворству, охотно оперирующему такими элементами, как символика небесных тел или знаков зодиака, описание герба и его переносная, обращающаяся к мифологии, истории или религии интерпретация. Наконец, здесь есть типичное сочетание прозаических и поэтических текстов, польского и латинского языков, христианства и мифологии, а также характерная склонность к формалистическим как стилистическим, так и стихотворным штучкам: метрическая дифференциация стихотворений, «курьезное» стихотворство (например, в сочинении «*Aldices Rossijski*»: «эхо», фигурное стихотворение, несколько типов акростиха), изысканная строфика (октава) и т. д.

Издания эти не имеют, конечно, художественной ценности. Запас мыслей и чувств в них совершенно ничтожен, тем не менее они представляют собой интересные документы литературы того времени, черты и особенности которой распространялись в свое время не только на польских и украинских землях, но и на территории московской Руси, а потом России в XVIII в.

С этой точки зрения еще большего внимания заслуживает несколько работ — также с территории украинских земель, которые опубликовал в 1685—1691 гг. Стефан Яворский. Их автор и издатель, известный в то время проповедник и преподаватель Киевской академии, теоретик и стихотворец, позднее же — рязанский митрополит и экзарх патриаршего престола, был типичным выразителем интеллектуального уровня, а также литературных представлений и эстетических вкусов людей своего круга, отсюда его литературные работы, предшествовавшие более позднему творчеству времени пребывания в Москве, это незаменимый источник, позволяющий воспринимать интеллектуальные особенности как самого поэта, так и его ближайшего и более отдаленного окружения. Между тем писательское наследие Яворского, малоизвестное сегодня, рассеялось и забылось, а предпринятые попытки изучить его или, по крайней мере, предварительно описать натолкнулись на серьезные трудности.⁶ Работы же, о которых идет речь, сейчас принадлежат к настоящим библиографическим редкостям, их не найти даже в самых больших библиотеках как в СССР, так и в Польше, не отмечают их и самые серьезные и наиболее подробные библиографии. Так, например, «*Bibliografia polska*» Кароля Эстрейхера регистрирует только одно заглавие,⁷ цитируемые же здесь работы Быковой и Гуревича описывают только два его издания. П. Н. Берков, работая над своим трудом, посвященным литературным связям России и Польши в XVIII в., знал о двух публикациях Яворского, но в бога-

⁶ См.: П. Н. Берков. Русско-польские литературные связи в XVIII в. М., 1958, стр. 16—17.

⁷ K. E. Streich her. *Bibliografia polska*, t. XVIII, s. 517.

тых ленинградских собраниях нашел только одну из них.⁸ Единственный экземпляр сохранился также в киевской Публичной библиотеке АН (шифр Т 1614). Самой богатой с этой точки зрения оказалась Библиотека имени Ленина, которая в своем отделе редкой книги имеет (шифр $D_{\frac{10}{34}}$) сборник

переплетенных вместе тринадцать самостоятельных изданий, польских и латинских, главным образом панегирического содержания, содержащий четыре, а следовательно, все из известных до сих пор изданий произведений Яворского, вышедших перед его выездом из Киева.

Следовательно, литературное наследие Стефана Яворского киевского периода состоит из следующих, составленных в хронологическом порядке названий:

- 1) *Hercules post Atlantem infracto virtutum robore honorarium pondus sustinens* [..]. Czerniów, [b. r.] [около 1685 г.];
- 2) *Echo głosu wołającego na puszczy od serdecznej refleksji pochodzące* [..]. Kiiów, 1689;
- 3) *Arctos coeli Rossiaci in gentilibus syderibus resplendens*. Kijów, 1690;
- 4) *Pełnia nieubuwającej chwały w herbowym księżycu* [..] reprezentowana [..]. Kijów, 1691.

Все вышеуказанные сочинения — это иногда довольно большие по объему собрания неоднородных по содержанию и стилю стихотворений, написанных «по случаю»; одно из них «*Echo głosu wołającego* [..]» посвящено гетману Ивану Мазепе, три остальных тематически связаны с личностью Варлаама Ясинского, добродетеля и мецената автора, сперва архимандрита Киево-Печерской лавры, затем ректора местной Академии и киевского епископа-митрополита. Похожие друг на друга с точки зрения функции (типичное панегирическое стихотворение), а также содержания (различные амплификации, полные так называемых *loci communes* барочной поэзии), собрания эти содержат довольно много материала, интересного для изучения тогдашних эстетических представлений и литературных вкусов, а кроме того, они свидетельствуют о постоянном высоком техническом уровне школьной поэзии, ее возможностях, и прежде всего — об особенностях тогдашней поэтики, стиля и стихосложения. Мы находим в них типичные черты польско-латино-украинской литературной традиции эпохи барокко, которые, впрочем, потом нашли свой отклик также и в русской литературе XVIII в.⁹

Эти публикации показывают нам Стефана Яворского как писателя, свободно пользующегося двумя языками, польским и латинским попеременно, как искусного стихотворца, а также всестороннего эрудита с особенно большой начитанностью в области классической литературы, мифологии, истории, в частности истории Польши.

Произведения, которые вышли из-под его пера, — это целые сложные композиции, как будто циклы отдельных стихотворений, связанных одним главным мотивом — объектом похвалы, каким является адресат панегирика. Они состоят из прозаических фрагментов и различных с точки зрения метрики, а также структуры строф, имеющих иногда собственные названия стихотворений. Так, например, в сборник «*Hercules post Atlantem* [..] *pondus sustinens*» входят идущие по очереди: а) латинское вступление в прозе; б) такое же обращенное к Ясинскому вступительное слово, напоминающее его «*singulum vitae*»; в) пространное, занимающее много страниц хвалебное

⁸ П. Н. Берков Русско-польские литературные связи в XVIII веке, стр. 16; ГПБ, отдел «Rossica», шифр 13.VIII.1.2871.

⁹ См работы А. А. Морозова, особенно его исследование «Ломоносов и барокко» (Русская литература. 1965, № 2, стр. 70—96), а также исследования: И. З. Серман, М. В. Ломоносов, Г. С. Скворода и борьба направлений в русской и украинской литературе XVIII в. — В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. Исследования и материалы. М.—Л., 1963, стр. 40—78.

стихотворение; г) очередная часть биографии Ясинского, написанная в прозе по-латыни; д) новое стихотворение на польском языке, развивающее при помощи дальнейших амплификаций главную панегирическую тему; е) последняя часть обращения, написанная в прозе; ж) последнее польское стихотворение, которое для разнообразия, в противоположность выступавшему прежде тринадцатисложному, укладываемому в четкие, хотя еще парно рифмующиеся четверостишия, Яворский написал регулярным и ритмическим одиннадцатисложным размером.

Все три стихотворных произведения этого сборника, несмотря на то что по содержанию представляют собой как бы части одной распространенной похвалы объекту панегирика, отличаются, однако, друг от друга не только по метрической форме. Их автор неистощим в оригинальном развитии основной темы, в подборе образного материала, нагромождении сравнений, расположении сопоставлений и метафор и при этом в каждом из них пользуется другим источником поэтических замыслов. Наиболее характерным с этой точки зрения и наиболее интересным является, несомненно, первое из этих произведений. В нем Яворский исходит из банального, морализаторского утверждения, что «только тот на трон достойно вступает, кого Мудрость за заслуги награждает» (л. 17 (8)).

Но этой мысли предшествует переданное в форме обращения предание, популярное среди авторов старопольских хроник и историографов, повествующее о подвигах Лешка, названного Вторым:

Pocóż Leszku, w dalekie puszczasz się zawody?
Jakiej się po swych pracach spodziewasz nagrody?
Czem tak szybko koniowi słabe puszczasz wodze?
Czem po gładkiej hartowne groty ścieszsz drodze?
Czyli żebyś tym prędzej dobieżał korony? [...]
Lecz daremna fatyga, daremne twe poty [...]
Nikt jeszcze godnie w świecie nie siedział na tronie,
Jeśli mu laurem mądrość nie zdołała skronie.

л. 17 (8)

Это предание поэт мог знать как из «Польской хроники» М. Кромера, так и из Стрыйковского, который в своем сочинении «Goniec snoty» (1574) напоминает, что «коварный Лешко конем королевство выиграл», но всего вероятнее — из «Хроники» М. Бельского, которую имел среди книг собственной библиотеки.¹⁰

Интересно, что в этом произведении больше так называемых польских мотивов. Среди похвал, которыми осыпает поэт Ясинского как того, кого ум приводит к высокому духовному сану и научным знаниям, есть и такая:

I ty, archimandryto, godny infułacie,
Nie skąd inąd w pasterskiej zajaśniałeś szacie,
Nie kto inny powierzył tobie pastorały,
Tylko mądrość [...]

Biorę za świadka samą litewską Pogonie,
Jakos̄ niegdyś zostając w Palladijskim gronie,

W znacznym nauk progressie z nią biegł na wyścigi [...]
Swiadkiem jest Orzeł polski, który w bystrym locie
Ustałby pragnąc zrównać twej w naukach snocie [...]

л. 18 (8)

¹⁰ См.: R. Ł u ż n y. Jaworski — poeta nieznan. — Slavia Orientalis, XVI, (1967), № 4, s. 365.

Dają jeszcze świadectwo dowodowi memu
Krakowskiego przesławne rostra Akademu,
Kiedy twoja w naukach dzielność tak jaśniała,
Ze od wszystkiego aplauz Akademu miała.

л. 19 (9) recto

Эти мотивы, следовательно, тут совершенно на месте, ибо в самом деле Варлаам Ясинский учился в Кракове и получил там степень доктора, а его панегирист черпал поэтический материал не только из книг, но имел за спиной годы обучения в иезуитских коллегиях и академиях Львова, Люблина, Познани, Вильно.

Так как два из названных тут сборников сравнительно недавно дождались по крайней мере предварительного описания,¹¹ обратим еще внимание на особенности последнего из четырех произведений, а именно на «Pełnia nieubuwającej chwały [...]».

Здесь, так же как раньше, имеем дело с обширной и сложной литературной композицией, отличающейся еще большей авторской расточительностью, гипертрофией формальных средств и их перевесом над содержанием. Семьдесят страниц текста заполняет цикл поэтических и прозаических панегириков, состоящий из целого ряда составных частей, добавлений, украшений и подробностей, словно перегруженная, шокирующая читателя своим изысканным внешним богатством композиция в стиле барокко. Стихотворения переплетаются с торжественными речами в прозе, латинский язык — с польским, эпические описания и лирические отступления — с цветистой речью, декламации — с молитвами.

Панегирик строится на замысле сопоставления личности адресата — Варлаама Ясинского с тремя «*primaе magnitudinis luminarum*», тремя святыми Варлаамами: отшельником, мучеником и святым из Печерской лавры. Это позволяет Яворскому провести множество сравнений и сопоставлений между этими лицами, которые поэт группирует в трех отдельных частях, демонстрируя при этом обширные литературные возможности, эрудицию и мастерство стихосложения.

Здесь особенно бросается в глаза великолепный польский язык как в прозе, так и в стихотворной речи, находящийся на уровне самых выдающихся достижений польской письменности XVII в. Вот наиболее характерный с точки зрения правильности, гладкости синтаксиса, макаронической лексики и образности стиля пример: «*Wprzód niżli na cerkiewnym niebie w słonecznym zajaśniała splendorze Ona, która jest wybrana jako słońce, przenajdostojniejsza Matka Boska, marszałkują onej w Jutrzenkowej jasności twoi trzej patronowie, święci Barlaamowie, jaśnie w Bogu przeoświecony pasterzu [...]. Tylko co ma wchodzić w Cerkiew świętą niby Sponsa ad Thalamum ona niebieska Ducha Świętego oblubienica, Przenajświętsza Panna, alic owe classicum wytrębuje hasło: Ecce sponsa, exite obviam illi. Cóż na to? Oto innym, jako niemądrym pannom serdeczne w oziębłym afekcie gasną kagańce, a twoi patronowie święci, patronie mój, patrz jaki na przywołanie tej niebieskiej oblubienicy przygotowali apartament: wychodzą in occursum onej z niegasnącymi i mroku żadnego nigdy nie znającymi luminarzami [...]*» (л. N recto).

Так же точно, притом с большим эпическим размахом, владеет Яворский стихотворной формой. В первой части, где припоминается история Варлаама-пустынника, содержащаяся в известной древнерусской «Повести о Варлааме и Иоасафе», наш автор прекрасным, регулярным тринадцатисложным размером, великолепно передающим при помощи смелых переносов ход плавного, с широким эпическим размахом повествования, рассказывает о рождении и дальнейшей судьбе сына короля Авенира:

¹¹ П. Н. Берков. Русско-польские литературные связи в XVIII веке, стр. 916; особенно стр. 369—373; R. Ł u ź n y. Jaworski — poeta nieznanu, s. 369—373.

Tam, skąd Phebus rumiany z Jutrzenką powstaje,
 Są, obszerne wszelakiej obfitości kraje
 O nazwisku swym India: temi niegdy strony
 Władnął tyran poganin Awenir rzeczony
 Prześladowca Chrystusów. A skoro Lucina
 W królewskich mu kolebkach przywitała syna,
 Nazwano go Josapfem, coż mądrzy wieszczkowie,
 Ze ma być Chrystusów sługa, każdy powie.
 Zasmuci się Krol wielce słysząc tę nowinę,
 Więc żeby mógł uchować swą miłą dziecinę
 Od wiary Chrystusowej, każe nowe mury
 Misternym wywieść gmachem, gdzie w piękne struktury
 Syna każe wprowadzić, i tam ku wygodzie
 Piastunów i pacholąt nadobnych w urodzie
 Gdzie się chował królewic, nikt a nikt na świecie
 Oprócz onych nie powstał, aby ni frasunku,
 Ni chorób, ni boleści, śmierci ni trefunku
 Jemu nie kłaść przed oczy, żeby każdej chwili
 Pomysłne przy rozkoszach miewał krotofili.

Л. А verso

В этом сборнике Яворский демонстрирует все богатство своей школьной классической, античной эрудиции, запасы которой он способен правильным и удачным образом, свидетельствующим о неисчерпаемой изобретательности в отборе неожиданных замыслов, сочетаний и сопоставлений — этих типичных для барокко приемов, привлечь на службу панегирического описания. Нередко при этом он обращается к той истинной «библии» древней мифологии, какой являются «Метаморфозы» Овидия. Почерпнутыми оттуда мотивами, образами и фигурами он просто инкрустирует свои тексты.

Высшим достижением в этом смысле является, несомненно, в нашем сборнике стихотворение, начинающееся со слов «Где ты, громко звучащая слава, в какой стороне света [...]» (л. О recto — P₂), в котором почти в каждой строчке — новые мифологические или античные аксессуары. Выступают здесь, например: Лабиринт, Ганнибал, Атлас, Гидра, семь чудес света, Нерон, Александр, Сулла, Киприда, Ганимед, Троя, Улисс, Марс и т. п. Это стихотворение получило особую популярность в кругу читателей того времени: в 1719 г. его цитируют в одной из киевских поэтик как образцовое и достойное подражания произведение.¹² Именно в нем находим, пожалуй, наиболее классический пример типичного развернутого сравнения в стиле барокко, так сильно напоминающего известную образно-композиционную систему Яна Анджея Морштына:

I pędzej swoich Tytan jasnych glans promieni
 Niezwyčajną przemianą w smutną noc przemieni,
 Pędzej jasna z orszakiem świetnych gwiazd Latona
 Cymmeryjskimi będzie cieniami zaćmiona,
 Pędzej w dżdżystych obłokach mieszkając Pleady
 Kryształowe na ziemię łać przestaną grady,
 Pędzej rannej jutrzienki koralowe skronie
 W Hesperijskich swych nurtach Ocean pochłonie,
 I pędzej Pirithousz opuści Thezea,
 Pędzej mężny Alcides cnego Promethea
 Od twardego Kaukazu uwolni Kamienia,
 Niż ja z Dobroczynności wynidę więzienia.

Л. P₂ recto

¹² См.: R. Ł u ż n y. Jaworski — poeta nieznaný, s. 373—374.

Так же точно, впрочем, как тринадцатисложным, поэт владеет другим стихотворным размером — одиннадцатисложным, складывая при этом стихи в ритмично звучащие, регулярные, классические строфы — октавы. Именно так ритмически построен очередной панегирик «Eadem gratitudo inv.tat Musas ad reddendum tributum», состоящий из двадцати таких, как та первая, строф:

Sam sam z strojnymi lutniami stawajcie
Dwojba: czystego Parnassu boginie.
Ojczyste na czas gory opuszczajcie,
Z których bogaty mądrych wód zdroj płynie.
Na głośnych cytrach wdzięczny odgłos dajcie,
Niechaj przestronne echo się rozwinie:
Brzmijcie koncenty, triumphalne pienia
Opite rhytmów z wieszczego strumienia.

л. Q—Q₂ verso

Следовательно, как видно из настоящего обозрения, польское творчество Стефана Яворского, богатое и разностороннее, представляющее высокий уровень литературного, писательского мастерства, может явиться благодарным объектом для исследователя литературной культуры переходного периода от письменности XVII в. к литературе новой эпохи, эпохи формирования предпосылок и характерных черт классицизма. Сегодня мы все чаще склонны замечать в русской литературе XVIII в. течение с ярко выраженными чертами стиля барокко. Можно считать, что творчество Яворского, а также писателей его круга, сыграло в процессе формирования этого течения не последнюю роль. Более же внимательное его исследование позволило бы, может быть, также выяснить особенности не только тогдашней, но и более поздней, с середины XVIII в., литературы, черты ее стиля и поэтики. Во всяком случае, даже независимо от исполнения этого исследовательского постулата следует помнить при общей характеристике литературной жизни времени Петра I, времени крупных преобразований в области культуры, что упоминаемые здесь польские издания, несмотря на незначительность своего содержания и исключительно случайный характер, перекликались с еще многочисленными, но характерными изданиями памятников, связанных с античностью, с классической традицией. Большая популярность в эти годы литературы этого типа является примечательной и одновременно свидетельствует о существовании определенной закономерности. Пять изданий «Басен» Эзопа, трижды возобновляемое издание историй о разрушении Трои и Иерусалима, четырехкратное обращение к сочинению об Александре Македонском, издание «Метаморфоз» Овидия, а также «Библиотеки» Аполлодора только в период 1712—1725 — все эти факты заслуживают внимания при новых попытках оценки достижений культуры этой эпохи, как и барокко-классическая струя в польских изданиях, которые рассматривались в данной статье.

Перевод с польского Н. Н. Мозжухиной